

Так что в консерватории я мало посещал лекции, в основном занимался творчеством. В это время на меня сыпалась масса заказов. Я много написал за это время: для кино, театра, фортепьянные концерты, симфонию и мелкие пьесы.

Работа для меня до сих пор самое главное, что есть в жизни. Это то, что дает мне жизнь. Я почти никогда не отдыхал, может, раз в году вместе с семьей ездил на юг или в Барвиху. А так я целыми днями, не покладая рук, писал музыку. С утра я работал, а после обеда шел в Союз композиторов руководить людьми. Такая вот планировка жизни.

- Двое ваших братьев были арестованы...

- Это было в 1937 году. Мои два брата были репрессированы. Я хлопотал невероятно, писал всем, кому можно было. Удалось одного брата вытащить в народный суд. Как вы понимаете, судебной системы как тако-

жанрах - писали симфоническую, эстрадную, театральную, киномузыку. А в каком жанре вам интереснее было работать?

- Я следовал традициям нашей русской школы. Возьмите наших крупных композиторов - Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна. Они все писали и балеты, и оперы, и симфонии, театральную и киномузыку. Даже джаз писали. Работать во всех жанрах было традицией наших композиторов. Музыканта это необыкновенно обогащает. Я очень люблю театр, поэтому с огромным удовольствием писал музыку для спектаклей. Судить о моем отношении к этим жанрам можно по таким работам в театре, как «Много шума из ничего», «Давным-давно»... Или в кино - «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны», «Поезд идет на Восток», «Верные друзья», «Гусарская баллада» и другие. Писал эти произведения с огромным удовольствием. И даже сам снялся в фильме

- Талантливых людей у нас очень много, и это в основном старая плеяда. Андрюша Эшпай - замечательный композитор. У него есть великолепные песни. «Мы с тобой два берега», «Ребята с Моховой». Он пишет и симфонии, и концерты, но у него есть замечательные песни. А если говорить о наших песенниках, конечно, Александра Пахмутова - это колоссальный талант. Это изумительный природный дар. Она не расходует его на какую-то ерунду. И замечаете: все ее песни имеют социальную подоплеку. Они нужны народу, потому что берут за сердце. У Пахмутовой что ни песня, то изумруд. Вместе со своим мужем Николаем Добронравовым она сделала для нашей культуры и эстрады колоссальные вещи.

- Тихон Николаевич, вы всю жизнь жили и работали в Советском Союзе, в России, как вы относитесь к тем творческим людям, которые уехали на Запад или просто там работают?

Недавно вот получил медаль Моцарта из Парижа. Это высшая награда ЮНЕСКО для деятелей культуры. Всего несколько человек в мире ее получили. Я счастлив, что и меня удостоили такой чести. Когда мне было шесть лет и я только научился читать, помню, прочитал биографию Моцарта. Это было на сеновале в сарае, который стоял у нас во дворе. И тогда я дал себе клятву, что обязательно буду композитором. И сейчас, в 90 лет, я получаю медаль Моцарта. Это невероятно, но так бывает в жизни.

- Мне бы хотелось вернуться к одной из самых известных ваших работ «Давным-давно». Она была написана в тяжелом 1941 году. Как вам удалось написать такую оптимистическую вещь?

- Во-первых, я был восхищен самой пьесой. Я считаю ее равной «Горю от ума» Грибоедова - такая же афористичность стиха. Патриотизм этого произведения меня сильно захватил. Я часто ездил из Москвы в Свер-

- Мне повезло - моей женой была Клара Хренникова. Это совершенно потрясающая женщина, она сыграла в моей жизни огромнейшую роль. Если бы была не она, а другая женщина, возможно, моя жизнь сложилась бы как-то по-другому. И я был бы другой. Ее влияние на меня было сильным и весьма положительным. Мы с ней прожили 67 лет. Она ушла из жизни 1,5 года тому назад. За всю жизнь мы с ней ни разу не поссорились. Она обожала музыку, искусство, а по профессии была журналистка. Клара была первым слушателем моих сочинений, первым и самым суровым критиком. А ухаживать за ней я стал, когда она была еще замужем, то есть, получается, я увел ее от мужа. Был еще мальчишкой, писал музыку к спектаклю «Много шума из ничего» в Театре Вахтангова. И там нужно было написать любовную песню. Изумительные стихи Антонковского - «Соловей о розе». Мы как-то гуляли, зашли ко мне. Я тогда снимал

вечера приходили к нему домой и пили чай. С утра он был в Художественном театре, потом приходил обедать, в 6 часов пил чай. Потом уходил в свой Оперный театр. У него была горничная Василиса, которая каждый день пекла пироги с яблоками. Это были особенные пироги.

Мне в жизни повезло, что мы встречались с изумительными людьми, которые не могли не оставить след в моей душе, в моей жизни, в душе Клары. Мы были с ней единомышленниками.

- Вы, наверное, часто влюблялись?

- Я не был синим чулком. Мне нравились женщины, до сих пор их люблю. Но одно дело, когда нравится женщина, а другое дело - жена. Это коренник семьи, это коренник жизни, это же разные вещи. Конечно, и я обращал внимание на женщин, и ей нравились другие мужчины, все это совершенно естественно. Однако это никогда не было предметом семейного разлада. Друг друга мы понимали очень хорошо.

- А в вас влюблялись женщины, преследовали?

- Влюблялись, так же как и я. Люблю красивые женские ноги, для меня самая красивая часть женского тела - это ноги. Я всегда начинаю на женщину смотреть снизу вверх, а не сверху вниз. Помню себя мальчишкой: когда мне было 3 - 4 года, обожал ноги своих сестер. У меня было четыре сестры. Я без конца обцеловывал ножки своих сестер. Был какой-то инстинкт к этой женской прелести. Так до сих пор и люблю красивые ноги. Но мне не нравятся фотомодельные циркули, модные сейчас. Я люблю женственные, чтобы была форма.

- На протяжении всей творческой биографии ваши произведения всегда были востребованы. Вы были обласканы властью. Не мешала ли близость к ней?

- Что, значит «обласкан властью»? Я работал. И раньше и сейчас работаю, за это меня отмечали. Когда я написал неплохую музыку для фильмов «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера после войны», мне дали Сталинские премии. Позже я писал и симфоническую музыку, и оперную, и балетную. Мне вручали ордена: у меня четыре ордена Ленина, звания, какие только могут быть, и эсэсэсэровские, и российские. Мне дали звание Героя Социалистического Труда. Много наград зарубежных. Я кавалер французского ордена литературы и искусств. Французское правительство удостоило меня такой чести. У меня много орденов других стран. Но я никогда их не носил, даже звезду героя. Может, один или два раза я надевал ее в особо торже-

НАША СПРАВКА

Тихон ХРЕННИКОВ родился в 1913 году в уездном городе Ельце Липецкой губернии. Он был девятым по счету ребенком в семье. Отец - Николай Иванович - служил приказчиком у местных купцов. Мать - Варвара Васильевна - домохозяйка. В доме постоянно звучала музыка, с девяти лет Тихон начал учиться игре на рояле. Свой первый опус он написал в тринадцать лет, а после этого постоянно сочинял вальсы, этюды, марши, пьесы. Приехав в Москву зимой 1927 года, Тихон показал свои сочинения маэстро Михаилу Гнесину, а через два года стал студентом «гнесинского» музыкального училища. В 1932 году он окончил училище и сразу поступил на второй курс консерватории.

В 1933 году Хренникова приглашают работать в Детский музыкальный театр Натальи Сац. В 1935 году его симфония прозвучала в Большом зале консерватории и имела большой успех.

В 1941 году Хренников знакомится в Свердловске с руководителем Театра Красной Армии А. Поповым. Он предлагает Хренникову заведовать в театре музыкальной частью, а также написать музыку к пьесе «Давным-давно» А. Гладкова. Позже спектакль будет экранизирован. «Гусарская баллада» остается и по сию пору настоящим хитом. В 1943 году пишется музыка к фильму Пырьева «В шесть часов вечера после войны». Хренников продолжает сочинять классические произведения, оперы и оперетты, которые ставятся известными театрами и звучат в главных концертных залах страны. Творческую жизнь Тихон Хренников успевал совмещать с общественной - сорок лет возглавлял Союз композиторов. А назначение на эту руководящую должность произошло в 1948 году.

УРОК МУЗЫКИ

вой фактически тогда не существовало. Я нанял Баруду - одного из двух самых крупных адвокатов нашей страны. Колодов был вторым, также очень известным защитником в нашей стране. Оба они вели все политические процессы. Чтобы заплатить Баруде, пришлось брать в долг деньги у всех, у кого возможно. На проходившем в Ельце процессе вышли наружу все гадости, в которых обвинили клеветники моего брата. Все это оказалось вымыслом людей, писавших всякие небывлицы под давлением НКВД. Суд оказался справедливым, и прямо с процесса моего брата отравили домой. Удивительно, что брата удалось спасти: ведь по стране ходили слухи, что каждая область должна репрессировать определенное количество людей. Поняв, к чему может привести перевод дела в народный суд, власти не позволили провести открытый процесс над вторым братом. Его осудила «тройка» на десять лет, и погиб он в концлагере. Я ничего не мог сделать, несмотря на то, что к тому времени был уже известным композитором.

- Тем не менее вы продолжали общаться со Сталиным?

- Это произошло гораздо позже. Мой брат погиб в 1943 году, а в Союз композиторов я пришел в 1948 году. В Сталина верили все, как в Бога. Никто не мог подумать, что все зло исходит от главного руководителя страны. Говорили, что виноваты во всем его подручные: то Ягода, то Ежов, то Берия. А наш товарищ Сталин - святой человек. Когда я стал встречаться с ним, то уже по-другому к этому относился.

- А как сложилась судьба остальных ваших братьев и сестер, вас же в семье было десять?

- Самый старший брат погиб еще в империалистическую войну. У него был изумительный голос, и ему прочили мировую карьеру. Он был студентом Московского университета, когда пошел добровольцем на фронт и погиб в последних боях под Двинском в 1918 году. Молодой, искренне любящий Родину. Другие братья и сестры учились: кто в железнодорожной технике, кто в институте. Один старший брат страдал эпилепсией.

- Тихон Николаевич, вы работали в таких разных

«Поезд идет на Восток». Я там пою песню с матросом.

- То есть жанр эстрадной музыки для вас не был второстепенным и унижающим достоинством серьезного композитора?

- Нет, ведь тогда не было такой мусорной эстрады, как сейчас. Современная эстрада - это мусор. Что говорить, если представителем юмористического цеха на нашей эстраде был Аркадий Райкин! Гениальный актер, совершенно потрясающий. Планка качества была поднята на большие высоты. Что касается певцов, то и здесь были свои Шаляпины. Например, Обухова. Эта певица исполняла много самых простых романсов, народных песен. Вспомните хотя бы Лемешева, который пел народные песни. Это тоже эстрада. Или как Козловский исполнял песню Богословского «Темная ночь»! А если вспомнить мою, пожалуй, самую популярную песню «Московские окна»... Ведь, уже услышав мою музыку, Леонид Утесов понял, что это может быть шлягером и попросил Матусовского написать слова к ней. Такой был уровень. Настоящие певцы с поставленными голосами делали это изумительно. Эстрада была совсем другой. Позже на большие подмостки вышли голосистые Лещенко и Кобзон. Теперь же певцы в рот засовывают микрофон, голоса никакого нет, шепчут что-то. Дилетантизм нас губит, безголосица на эстраде, дурной вкус.

- Могли бы вы назвать известных вам современных талантливых эстрадных певцов?

- Не могу назвать. Если только тех, что еще сохраняют свои голосовые данные. А вообще, я не знаток зарубежной и российской эстрады. Все, что вижу, ужасно.

- Кто вам кажется наиболее заметным в классической музыке сегодня?

- Это их личное дело. Я никого не берусь осуждать. По-видимому, у каждого были свои причины, я не вправе оценивать поступки каждого из них. Но они все сейчас стараются вернуться. Помните историю с Прокофьевым, у которого спросили: «Почему вы вернулись? Ведь вы гениальный, первый композитор в мире. Вам ведь были бы рады». И он ответил: «Где бы мы ни находились, где бы мы ни были, за границей мы всюду милые иностранцы». Эти милые иностранцы там живут, зарабатывают деньги, а потом вспоминают о том, что есть Родина. Поэтому большинство возвращается обратно. Если не навсегда, то работают здесь, сохраняя за границей свои рабочие места. Конечно, в нашей стране достойно зарабатывать музыканту очень трудно. Я никого не осуждаю, это дело совести каждого.

- А вы никогда не подумывали уехать?

- Да вы с ума сошли. Об этом даже думать невозможно. Раньше, уезжая за границу, я уже спустя неделю начинал тосковать. Больше этого срока мне быть там невозможно, тянет домой, в свой Елец. Для меня самое великое, самое прекрасное место в мире - это мой город Елец, где я родился. Я его не променяю ни на что. Несмотря на то, что в Москве я живу уже давно, с 16 лет, то есть с 1929 года, до сих пор связан со своим Ельцом. Сейчас он стал университетским городом. Там есть училище искусств моего имени, открыли даже музей в доме, где я родился, а к нему построили небольшой концертный зал. Я этому очень рад. Я объездил почти весь мир. У меня было много друзей в разных странах. Там было, конечно, приятно, ведь я выступал, имел успех. Но дом всегда оставался в Ельце.

дловск и обратно, не терял связи с московским радио, писал для него какие-то вещи. И одновременно создавал музыку для пьесы «Давным-давно». Писал, как чувствовал. Да ведь каждый советский человек так тогда ощущал себя. Все мы мечтали только о победе, о том времени, когда кончится война. И страстно хотели, чтобы поменьше людей погибло.

Политуправление предложило нам с Блантером побывать на фронте. Это было в январе 1945 года. Несколько месяцев мы с Блантером пробыли у Чуйкова в бывшей 62-й армии, которая защищала Сталинград. На тот момент это была уже 8-я гвардейская, Первый Белорусский фронт. Армия Чуйкова шла на самый Берлин и брала его. Стоило приехать к генералу, как нас уже больше не отпускали. Каждый день мы должны были быть с ним, столоваться. Этот железный командарм обожал лирическую музыку. А мы с Блантером пели для него, играли свои песни. И в итоге подружились навсегда. Этот человек носился к искусству по-детски непосредственно, сердечно и тепло. И любил самые печальные, лирические, любовные песни. Три с лишним месяца мы были с ним, даже на его командных пунктах, даже тогда, когда он встречался с Крепсом - последним начальником генерального штаба Гитлера. Произошло это 30 апреля. Он приехал к Чуйкову просить перемирия и сообщил ему о самоубийстве Гитлера. А мы-то уже осведомлены из американских источников. При разговоре этом присутствовали Долматовский, Костя Симонов, несколько поэтов, журналистов, и мы, композиторы.

- Расскажите, пожалуйста, о личной жизни. Ведь вы писали в основном лирическую музыку.

комнату в доме Театра Вахтангова. Она говорит: напирай любовную песню, которую ты сочинил для этого спектакля. Сыграл, а она вдруг спрашивает: «Это любовная песня? Это ты так меня любишь? Это всего лишь невыразительная музыка, как можно эту песню давать за любовную лирику?» Она меня так раскритиковала, что я решил не отдавать этот материал. Я был так потрясен, ведь мне казалось, что я сочинил великолепную музыку. Мне ничего не оставалось, как за ночь написать другую песню. А на следующий день я ей сыграл новое сочинение. На этот раз она была довольна. Эта песня до сих пор исполняется в спектакле «Много шума из ничего».

А тогда ее пел Рубен Николаевич Симонов. Вот тоже пример. Безголосый совершенно, петь не мог. Но делал это так здорово, что певца с голосом не могли с ним сравниться в выразительности. У него была поразительная подача слова, музыкальность. Да и вообще потрясающе талантливый был человек. А Клара с тех пор стала моим первым критиком. Я постоянно с ней советовался. Первые мои сочинения все посвящены ей.

У нас в доме не существовало никакого культа, была самая домашняя атмосфера. А создавала ее моя супруга. Дом был всегда полон гостей и друзей: писатели, поэты - Александр Фадеев, Миша Светлов, Голодный, Яшин и другие. Мы любили людей, любили друзей, все делали для того, чтобы нашим коллегам и товарищам было хорошо. И вся моя работа в Союзе композиторов была посвящена этому. Я счастлив, что в своей жизни встретил такую женщину. Ее очень любил Немирович-Данченко. Когда я писал оперу, он следил за этим и требовал, чтобы мы каждый день в 6 часов

ственных случаях. Почему не носил? Так решил, когда был студентом консерватории. Увидел на сцене Константины Симонова. Его все очень любили, он был фаворитом у женщин, блистал в области искусства и литературы. Тогда он получил орден. После я заметил, что он не носит его. Михалков, который получал награды, носил их, а Симонов нет. Тогда я решил: если когда-нибудь меня наградят орденами, я никогда не буду носить их постоянно. Если достоин - меня и так будут знать. А если никому не нужен, то с орденами и подавно. Но пример подал Костя Симонов.

- Как вы думаете, насколько художнику можно приблизиться к власти, чтобы не потерять свою индивидуальность?

- Я всегда был очень самостоятельным человеком, несмотря на то, что на меня давили. Да, я был руководителем Союза композиторов, и, конечно, определенное влияние ЦК ощущалось. Но я всегда к этому относился спокойно. И если мне казалось, что это нужно, соглашался, а если не надо, то поступал по своему усмотрению. Я ведь не написал ни одной песни о вождях. А все писали - Шостакович, Прокофьев, Блантер. А Хачатурян написал песню о Сталине замечательную. Я как руководитель союза должен был бы подкапывать пример, но у меня нет ни одной такой песни. Мне не хотелось, и я не создавал. Меня никто не мог принудить, впрочем, и не пытался. Это сейчас говорят, что заставляли писать. Никто никого не заставлял, каждый что хотел, то и делал. Так и я. Был руководителем союза, но не написал ни одной песни ни о Сталине, ни о Хрущеве, ни о ком из вождей.

Беседу вела Виктория КАЙТУКОВА